

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.6>

АРМИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК РЕТРАНСЛЯТОР МНОГОВЕКТОРНОЙ МОТИВАЦИИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Алексей Николаевич Кувшинов

Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

Аспирант

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-6182-5645>

Аннотация. Введение. Статья посвящена особенностям протекания Кавказской войны на начальном её этапе развития и ролям российской императорской армии, которые приходилось исполнять военным в условиях реалий Северного Кавказа первой половины XIX в. **Материалы и методы.** Используя опубликованные источники, автор для достижения поставленной цели исследования обратился к методу исторической реконструкции. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на то, что не только российская сторона активно влияла на складывавшуюся ситуацию в регионе, но оказавшись в климатогеографических и ландшафтных условиях, выходящих за рамки её прежнего опыта, и встретившись с народами, повседневный образ жизни которых слишком отличался от привычных для российских обыкновений, армия сама вынуждена была адаптироваться к новым вызовам. Уполномоченные военные начальники кардинально переменяли стратегические подходы и тактические приемы ведения боевых действий в горнолесной местности. Изменились экипировка, вооружение и нравственно-психологическая подготовка войск, участвовавших в экспедициях против горцев. В то же время имперские власти, при наличии у них в тот период возможностей и средствах, видели в кавказских войсках не только таран, способный и предназначенный для сокрушения местных кавказских твердынь, но наделили армию своеобразной миссией быть коммуникатором нововведений, привносимых Россией в Кавказский край. В этой связи армии поручалось быть также проводником разного рода мотиваций, охватывавших социально-культурные и хозяйственные сферы жизнедеятельности покоряемого края, стремиться всячески вовлекать в них местное население. Представителей горских народов привлекали к строительству дорог,

возведению крепостей и мостов, участию в торгово-обменных операциях, имевших цели преодоления недоверия и враждебности, а также упрочения связей в повседневной жизнедеятельности. Часто центрами ретрансляции привносимых русскими нововведений становились штаб-квартиры армейских полков. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что российская императорская армия выступала авангардом русского мира, с которым она знакомила кавказские народы. Через посредство военных Петербург надеялся установить с местным населением (на первое время хотя бы частью его) такой тип коммуникации, который позволил бы в будущем добиться сносного взаимопонимания, чтобы заложить фундамент не только для мирного сосуществования, но и транслирования на Кавказ имперских государственно-политических устоев.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, горцы, задачи армии, коммуникационное своеобразие, специфика края

Для цитирования: Кувшинов А. Н. Армия Российской империи как ретранслятор многовекторной мотивации в условиях Северного Кавказа первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 596-600. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.08.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

THE ARMY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A PROVIDER OF MULTI-VECTOR MOTIVATION IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Alexey N. Kuvshinov

Pyatigorsk State University (9, Kalinin av., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

Postgraduate student

ud@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-6182-5645>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the peculiarities of the course of the Caucasian War at its initial stage of development and the roles of the Russian imperial army, which the military had to perform in the conditions of the realities of the North Caucasus in the first half of the 19th century. **Materials and methods.** Using published sources, the author turned to the method of historical reconstruction to achieve the research goal. **Analysis.** The author of the article draws attention to the fact that the Russian side actively influenced the developing situation in the region. Finding itself in climatic and geographical conditions that went beyond its previous experience, and meeting with peoples whose daily lifestyle was too different from those familiar to Russian habits, the army itself was forced to adapt to new challenges. Authorized military commanders have radically changed the strategic approaches and tactics of conducting combat operations in mountainous forest areas. The equipment, weapons and moral and psychological training of the troops participating in the expeditions against the highlanders have changed. At the same time,

the imperial authorities, given the opportunities and means they had at that time, saw in the Caucasian troops not only a force capable and intended for crushing local Caucasian strongholds, but endowed the army with a peculiar mission to be a communicator of innovations brought by Russia to the Caucasus region. In this regard, the army was also instructed to be a conductor of various kinds of motivations, covering the socio-cultural and economic spheres of life of the conquered region, to strive in every possible way to involve the local population in them. Representatives of the mountain peoples were involved in the construction of roads, fortresses and bridges, participation in trade and exchange operations, which had the goal of overcoming distrust and hostility, as well as strengthening ties in everyday life. Often the headquarters of the army regiments became the centers providing innovations introduced by the Russians. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that the Russian imperial army acted as the vanguard of the Russian world, with which it introduced the Caucasian peoples. Through the military St. Petersburg hoped to

establish the type of communication with the local population (at first, at least part of it) that would allow achieving a tolerable mutual understanding in order to lay the foundation not only for peaceful coexistence but also for the transmission of imperial state-political messages to the Caucasus foundations.

Keywords: North Caucasus, Russia, highlanders, tasks of the army, communication originality, specificity of the region

For citation: Kuvshinov A. N. The army of the Russian Empire as a provider of multi-vector motivation in the conditions of the

Введение. Особенности и обстоятельства протекания Кавказской войны в первой половине XIX в. вынуждали действующую армию прибегать к нетрадиционным для неё обязанностям и поприщам. В условиях северокавказского пограничья российской армии, помимо привычных обязанностей, по поле высших имперских властей приходилось не только убеждать «непокорные племена» в превосходстве русского оружия, но и решать задачи мирного и созидательного свойства. Армия сделалась одним из инструментов политики распространения способов и правил имперского образа жизни среди местных народов. Наряду с исполнением военно-силовых функций, военные занимались хозяйственными работами, основывали полковые школы, обустроивали быт и внедряли в крае социокультурные ценности, которые в перспективе должны были сблизить и примирить северокавказские общества с непривычными для них социополитическими новациями. Можно сказать, что армии поручалась роль своеобразного коммуникатора, который доносил многообразную информацию до контрагентов империи, причём делалось это не только в рамках милитарных усилий, что для военных вполне естественно, но также в сфере мирных способов сближения, выходявших за пределы привычных воинских обыкновений.

На Кавказ Россию привело геополитическое соперничество с османами и стремление укрепить свои южные рубежи, что предопределяло на первых порах доминирование военно-силовых средств в решении возникавших при этом проблем. Стратегической доминантой было обеспечение спокойствия государственных границ и расширения пространства политического влияния. За достижением поставленных целей скрывался титанический труд нижних чинов, офицеров и генералов, вынужденных исполнять свой долг и присягу в непростом и главное – долгое время непривычном для них регионе.

На Кавказе противником выступали не только люди, но и ландшафтно-климатическая специфика края, заставлявшая менять устоявшиеся военные традиции, тактику боя, амуницию и т.п. За опыт приходилось платить жизнью и здоровьем многих тысяч людей, суровыми учителями которых также были сами горцы, не прощавшие расслабленности или разгильдяйства. Обстоятельства вынуждали российских военных перенимать и адаптировать местные воинские навыки, вместе с которыми поневоле приходи-

лось усваивать и те морально-этические ценности, культивировавшиеся в традиционной горской среде. Однако, впитывая эту часть кавказской культуры, имперская армия одновременно оказывала воздействие на своих оппонентов. Процесс был обоюдный, и чем лучше русские понимали горцев, тем сильнее они могли оказывать влияние твердые жизненные устои горских жителей.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.07.2023.

The article was approved after reviewing: 24.08.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

Материалы и методы. Исследование представленной точки зрения на обстоятельства реализации задач и целей, которые возлагались Петербургом на кавказский контингент имперской армии, автором проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, достигались новые знания.

Анализ. В силу своеобразия обстоятельств, при которых протекали межкультурные взаимодействия, возникали ситуации, которые людям, далёким от Кавказа, казались парадоксальными и даже анекдотическими, но для знавших местные реалии – они были вполне обыденными. По наблюдению графа К. А. Бенкендорфа, в одном из горных селений, в базарный день, возникла ссора между чеченцами и солдатами Апшеронского полка, переросшая в драку. Невольными свидетелями этой ссоры стали солдаты Куринского полка и не преминули принять в ней серьёзное участие. Однако пришли они на помощь не апшеронцам, что было естественно и логично, а стали драться на стороне чеченцев. Они мотивировали свой поступок тем, что так, как уже два десятилетия воюют с чеченцами, значит сделались за это время с ними почти братьями [3, с. 284].

Размещённые на Северном Кавказе части должны были выполнять присущую любой армии работу, связанную с охраной и обороной рубежей государства. Прежде всего, следовало обустроить череду приграничных крепостей, ставших опорным каркасом российского присутствия в этих местах. Традиция возведения приграничных линий уходит своими корнями в глубокую древность. Достаточно вспомнить, что таким образом Московское царство защищало рубежи от набегов кочевников. Такая стратегия доказала свою эффективность, а потому автор считает ошибочным вывод В. В. Лапина, который в своём основательном и аргументированном труде о российской армии на Кавказе утверждает, что данная практика не была эффективной, не при-

несла ожидавшихся плодов и была в корне порочной, т.к. «уже в XVIII в. военные теоретики и практики признали кордонные системы порочными в своей основе, из-за невозможности своевременной концентрации войск, способных оказать сопротивление неприятелю» [8, с.192].

Выводы неназванных В. В. Лапиным теоретиков были бы уместны, если речь шла о действиях регулярных армий, но в условиях партизанской войны, присущей кавказскому фронтиру, для отражения небольших отрядов неприятеля, а, то и отчаянных одиночек, такие приёмы оставались вполне актуальными. Да и найти альтернативу кордонной практике в сложившихся обстоятельствах вряд ли бы удалось. Отсюда и активное участие регулярных войск в обустройстве границы, в чём ей помогали иррегулярные формирования, причём не только казаки, но и милицейские отряды из числа «мирных» горцев. Автор считает оценку роли кордонной практики в кавказских условиях, представленную вышеназванным специалистом, ошибочной из-за того, что тот противопоставляет оборонительные и наступательные действия друг другу, тогда как на самом деле они дополняли друг друга в ходе развернувшегося противоборства в крае [8, с.193].

Используя крепости как свои штаб-квартиры или опорные пункты, полки Отдельного Грузинского (с 1820 г. Кавказского) корпуса могли наносить удары по неприятелю, участвуя в т.н. «репрессалиях». О тех трудностях, с которыми солдаты и офицеры при этом сталкивались, достаточно наглядно показывает личный опыт одного из «знаковых» участников войны на Кавказе – Н. И. Евдокимова, в тот период полковника. Будучи командиром Дагестанского пехотного полка, он вынужден был хлопотать об организации санитарного обеспечения своей части и о вооружении личного состава, обучать новобранцев, строить жильё, обзаводиться гужевым транспортом и т.п. При этом часть батальонов участвовала в боевых действиях против горцев, противостоя их ополчениям в полевых сражениях и организовав осады «немирных» аулов [6, с. 62 – 71].

На завершающем этапе вооруженного противоборства с горцами, когда боевые действия велись безостановочно, эта практика подверглась коррективе: «Вместо городов, воздвигаемых в каждой новой штаб-квартире, устройство которых надолго поглощало всю деятельность выдвинутых войск, по плану князя Барятинского было положено на вновь занимаемых пунктах устраивать только вал, располагая войска в бараках и кибитках; сохранив таким образом силы войск для войны, бросать пункт, исполнивший своё временное назначение...» [11, с.72].

До того, как сторонникам юридикзма удалось объединить вокруг своего учения значительные силы горцев и использовать их для массированных нападений на русские гарнизоны, сам факт присутствия царской армии в конкретной местности мог сыграть стабилизирующую роль и

обеспечить спокойствие близлежащих поселений. В дальнейшем такие возможности были утрачены, а гарнизоны небольших крепостей рисковали быть истребленными неприятелем. Приходилось покидать труднодоступные районы, которые переходили под контроль сторонников имамата.

Но даже тогда полностью от практики возведения крепостей не отказались. Они лишь увеличивались в размерах, а их гарнизоны численно возрастали. Задачи при этом не менялись. Крепости давали возможность обеспечить всем необходимым отряды, которые участвовали в наступательных операциях, воплощая в жизнь стратегию «удушения», обеспечившую в итоге победу над соперником.

Именно надёжный тыл и фактор постоянного присутствия позволял исправить недостатки в проведении военных экспедиций, регулярно предпринимаемых российским командованием. Нередко случались критические голоса в оценке их эффективности. Действительно, горцы обычно успевали скрыться в труднодоступной местности при приближении таких отрядов. Они состояли из пехоты, артиллерии, обоза, что делало их медлительными и уязвимыми. Но меньшие и более мобильные силы рисковали сами сделаться жертвой неприятеля.

Горцы, особенно если речь шла о Чечне и Черкесии, действительно предпочитали при угрозе со стороны войск оставлять свои жилища, которые потом легко восстанавливались. Но разорение их полей и садов, уничтожение запасов продовольствия и фуража становились серьёзным ударом по благополучию местных жителей, которые оказывались на грани выживания. Это заставляло, пусть и не всегда, проявлять сдержанность в антироссийских акциях, ограничивать набеговую активность. В этом отношении устраиваемые царским командованием экспедиции играли важную роль в развернувшейся противостоянии.

Тем, кто стремился к мирному существованию, присутствие в горах внушало спокойствие и надежду на защиту от действий непримиримых к русским соплеменников. Далекое не все горцы желали продолжения кровопролития. Чем богаче было селение, тем менее охотно его жители шли за мюридами, и поэтому, соответственно, они могли сделаться жертвой их мести. Таким образом, одной из приоритетных военно-политических задач была защита лояльных горских обществ, причём среди них вполне могли оказаться и вчерашние «непримиримые» противники.

В качестве иллюстрации этого сюжета можно привести слова жителей селения Леваша, с которыми они обратились к первому имаму Гази-Мухаммеду (Кази-Мулле) в ответ на его требования выступить против русских: «Мы дали клятву никогда не нападать на русских и не входить в сношения с их врагами, а русские тоже *обещали нас защищать* (Выделено нами. – А.К.).

До сих пор они держат своё слово: зачем же нам нарушать свою клятву?» [7, с. 24].

Следует напомнить, что армия не просто решала вмененные ей военные задачи. Она добивалась воплощения в жизнь политических замыслов имперского правительства. Отсюда необходимость добиваться лояльности местных жителей к империи, и первым шагом в данном направлении, как минимум, были гарантии их безопасности. Можно критиковать практику «размазывания» сил по огромной территории, что в результате привело к истреблению части изолированных друг от друга гарнизонов. Но справедливости ради надо отметить, что случилось это не сразу. Первое время относительно небольшие отряды царских войск довольно успешно выполняли свое предназначение в местных условиях. Вывод А. А. Вельяминова о том, что А. П. Ермолов «и с малыми силами грозно держал... русское имя в горах» [9, с.6], не был голословным и подтверждался фактами. Но по мере трансформации горского сопротивления, окончательно завершившейся в 30-х гг. XIX в., эта практика утратила свою эффективность и была подвергнута серьёзной ревизии.

Далеко не случайно в итоге была выбрана стратегия изнурения, очень сильно напоминающая горский способ ведения войны. Автор считает возможным взглянуть на неё как на своеобразный способ и результат межкультурной коммуникации, позволивший донести до противника своё восприятие сложившейся ситуации. Россия отчасти приняла местные правила взаимоотношений и с их помощью заставила «непокорные» общества смириться с новыми реалиями совместного сосуществования. В противном случае «запрещение желать частные экспедиции в жилища горцев, отняв у них страх наказания, делает их весьма предприимчивыми в набегах, и тогда едва ли кто-нибудь может ручаться за спокойствие кавказской линии» [9, с.6]. Увидев в военной практике царской армии «собственные» черты, горцы в итоге покорились и прекратили сопротивление.

Примечательно, что даже регулярные подразделения занимались войной как частью сезонной работы. В этой связи большую наглядность приобретают наблюдения, сделанные Н. А. Волконским: «...год начался – и война началась по заведенному порядку... Проснулись с наступлением нового года, встали с постели – и отправились в путь, поближе от дома, готовые вернуться туда при первой надобности, далекие от всякого отягощения себя лишними запасами» [2, с.4].

Такого рода явления позволили В. В. Лапину сделать вывод о наступившей «варваризации войск» [8, с.200]. Но, в данном случае, речь скорее должна идти о выработавшейся модели противоборства, наиболее соответствующей специфике войны в горных районах Кавказа. Она стала вестись на истощение противоборствующей сто-

роны, а в этом случае системность и упомянутая сезонность пришлось как нельзя кстати.

Пока взаимопонимания не было достигнуто, любые шаги, направленные на примирение, воспринимались горцами как слабость и становились поводом к новой агрессии. Причём недопонимание демонстрировали обе стороны конфликта [8, с.236 – 237]. Показательно, что именно в армейской среде раньше всего поняли особенность культурного архетипа местных народов, что дало шанс и надежду преодолеть преграды отчуждения.

Горцы первое время не могли привыкнуть к тому, что их действия вызывают столь несоразмерную реакцию, не характерную для местных воинских традиций. По их мнению, отряд удалцов, захвативших трофеи, мог чувствовать себя в безопасности, укрывшись на своих землях. Так далеко его обычно не преследовали, предпочитая в ответ совершить нападение и компенсировать утрату за счёт баранты. Шаги русских, которые карали целые селения, воспринимались не соответствующими понесённым ими издержкам. Если раньше война была частью образа жизни, то теперь она становилась угрозой самосохранения народа. Постепенное осознание этого вызвало «травматическую эпидемию», преодолеть последствия которой оказалось непросто. Далеко не все горские общества смирились с этим и в итоге предпочли покинуть Кавказ.

Можно согласиться с выводом о том, что «принятие новых правил войны вступало в жёсткие противоречия с другими сторонами национальной культуры, ценность которых оказалась большей, чем принятие власти России и ограничение в некоторых областях – отказ от набегов и т.д. Таким образом, трансформация армии оказалась весьма важной составляющей присоединения (умиротворения) Северного Кавказа» [8, с. 279].

Помимо описанных выше военных усилий возлагаемые на армию обязанности тем не исчерпывались. Круг её задач был гораздо шире. Он охватывал, среди прочего, и многочисленные хозяйственные виды деятельности, причём они касались не только способов самообеспечения, но и были связаны с экономическим освоением региона, где располагались части Отдельного Кавказского корпуса. Уже упоминались действия личного состава по обустройству крепостей в крае, которые зачастую становились торгово-ремесленными центрами притяжения для горских народов. Гарнизон обеспечивал безопасность, а жители воспринимали крепость как некое нейтральное место для встреч, которое притягивало к себе всех тех, кто желал продать плоды своей деятельности и приобрести некие товары или услуги, в которых нуждался. Неслучайно горцы участвовали в возведении укреплений, впрочем, не всегда добровольно [1, 563].

Нередко эти обязанности рассматривались как повинность или даже наказание за антиправительственные выступления. Достаточно часто

насильственные способы привлечения жителей к возведению крепостей практиковал генерал А. П. Ермолов. Мера эта с его стороны была вынужденной, т.к. «проконсул Кавказа» был ограничен в людях и материальных средствах, потому практиковал привлечение местных ресурсов (строительного материала, транспорта и рабочих рук) [10, с.32 – 33].

Первое время горцы настороженно следили за действиями царских войск, но постепенно предубеждения исчезали, тем более что на строительстве можно было заработать неплохие по местным меркам деньги. Один из местных жителей, который участвовал в возведении Аранинской крепости в Дагестане, вспоминал, что в конце дня ему давали 70 копеек, и это «было существенной помощью в ту пору» [4, с.139].

Любопытно, что желающие заработать на стройке подвергали свою жизнь не меньшей опасности, чем солдаты и офицеры, поскольку могли

стать жертвой «немирных» соплеменников, и потому власти требовали, чтобы они приходили на работы «на всякий случай» с оружием [5, л.29].

Результаты. Военная нестабильность, существовавшая на Северном Кавказе, заставляла Российскую империю активно привлекать возможности армии для установления своих порядков в регионе. Чтобы решить поставленные перед ней задачи, командованию и личному составу действовавших на южном пограничье полков пришлось активно адаптироваться к местным условиям. Непривычное ландшафтно-климатическое своеобразие края диктовало и новые способы ведения войны. Вместе с тем только этим задачи армии не ограничивались. Она сыграла важную роль в экономическом освоении Кавказа, стала проводником социокультурного влияния государства на местные народы. Для многих горцев именно армия долгое время олицетворяла тот порядок, который принесла на их землю Россия.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1875. Ч.2. Т.6. 950 с.
2. Волконский Н. А. Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник. 1880. Т.5. С.4. С.1–154.
3. Воспоминания графа Константина Александровича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // «Даргинская трагедия. 1845 год» / Сост. текстов Г. Г. Лисицыной. Коммент., указат. Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: Звезда, 2001. С. 220–324.
4. Гаджиев Б. И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане: монография. Махачкала: Эпоха, 2006. 256 с.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 261. Оп. 1. Д. 643.
6. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов: монография. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.
7. Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.: монография. Санкт-Петербург, 1851. 122 с.
8. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв.: монография. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2008. 400 с.
9. Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для Кавказской войны // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. 647 с.
10. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): монография. Армавир: Шурыгин В.Е., 2011. 248 с.
11. Фадеев Р. А. Кавказская война: монография. Москва: Эксмо, 2003. 640 с.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Ed. A.P. Berger. Tiflis; 1875. Part 2. Vol. 6. 950 p. (In Russ).
2. Volkonsky N. A. Riot in Chechnya in 1852. *Kavkazskij sbornik*. 1880;5:1-154. (In Russ).
3. Memoirs of Count Konstantin Aleksandrovich Benkendorf about the Caucasian summer expedition of 1845 in Dargin tragedy. 1845. Comp. texts by G. G. Lisitsyna. Comments, pointers B.P. Milovidov. Saint Petersburg: Zvezda; 2001. P. 220-324. (In Russ).
4. Gadzhiev B. I. Royal and Shamilevsky fortresses in Dagestan. Mahachkala: Epoha; 2006. 256 p. (In Russ).
5. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 261. Inv. 1. P. 643. (In Russ).
6. Klychnikov Yu. Yu. Empire soldier Nikolai Ivanovich Evdokimov. Pyatigorsk: PSU publ.; 2019. 277 p. (In Russ).
7. Kostenetsky Ya. Notes on the Avar expedition in the Caucasus in 1837. Saint Petersburg; 1851. 122 p. (In Russ).
8. Lapin V. V. The Russian Army in the Caucasian War of the 18th – 19th Centuries. Saint Petersburg: European house; 2008. 400 p. (In Russ).
9. N.Sh. General Velyaminov and his importance for the Caucasian War. *Kavkazskij sbornik*. Tiflis; 1883;7;647. (In Russ).
10. Pylkov O. S. The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (late 18th - first half of the 19th centuries). Armavir: Shurygin V.E. publ.; 2011. 248 p. (In Russ).
11. Fadeev R. A. Caucasian war. Moscow: Eksmo; 2003. 640 p. (In Russ).